

Жамес Макферсон

**Оссиан, сын Фингалов, бард
третьего века: Гальские
стихотворения**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ж26

Ж26 **Жамес Макферсон**
Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские стихотворения: Часть 2 /
Жамес Макферсон – М.: Книга по Требованию, 2016. – 264 с.

ISBN 978-5-518-08485-8

ISBN 978-5-518-08485-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

.... Случаи временъ претекшихъ, дѣянiя преждебывшихъ Героевъ! воскресните въ моихъ пѣсняхъ.

Кто возирается ииъ земли чуждыхъ, окруженъ тысящю своихъ сильныхъ? Знамя *Мурмана* распростертое на воздухъ ему предшествуетъ; его густые власы противоборствуютъ; кажется, горнымъ вѣтрамъ. На ласковомъ его лицѣ не врягся уже свирѣпья черты брани. Онъ спокоенъ, какъ вечернiй лучъ, свѣпящiй сквозь облако на смѣющуюся долину *Коны*. Кто, какъ не *Фингалъ*, сынъ *Колгала*, владыка прославленный своими подвигами? Еще съ радостiю видитъ онъ свои холмы; онъ повелѣлъ Бардамъ воспѣть, и вдругъ тысяща гласовъ возвысились.

Побѣгли вы на поляхъ своихъ, вы сыны земли дальнiя. Царь вселенныя, сидя въ своихъ чертогахъ, извѣщается о гибели своихъ ратниковъ; онъ стремится вворы гнѣва, и схватываетъ мечъ отцевъ своихъ. Побѣгли вы сыны земли дальнiя.

Такъ пѣли Барды, вступя въ чертоги *Сельмы*. Возжигаются тысяща свѣтильниковъ, отбѣтыхъ *Фингаломъ* у иноплеменныхъ. Пиршество уговорено, и ночь проходитъ въ радости. Гдѣ *Клессаморъ*, рекъ *Фингалъ*, гдѣ вѣрный отца моего спутникъ, гдѣ онъ въ день веселiя *Фингалова*? Уединенъ и печаленъ провождаетъ онъ жизнь свою въ долину *Норы*.... Но я его вижу: стремится

онъ сѣ холма какъ бодрый конь, который по вѣянію вѣтра чувствуетъ издали тондрішей своихъ въ долинѣ, бѣжитъ и разбѣгаетъ по воздуху блистающую свою гриву, Здравіе *Клессамору*! по что такъ долго не вримъ тебя въ *Сельмѣ*?

И такъ возвратился *Фингалъ* въ славъ торжества? отвѣтствуетъ *Клессаморъ*. Такъ возвращался *Камгалъ* отъ браней своей младости. Часто протекали мы источникъ *Коруна*, дабы устремиться на сыновъ чуждыхъ; мечи наши обагрялись кровію, не радовались Цари міра.

Но по что воспоминашь битвы моей юности? Бѣвѣютъ уже старостию власы мои, Рука моя отвыкаетъ напрягать лукъ, и тяжелое копіе не для моей уже десницы.

Ахъ! когда ощущу я радость, какую чувствовалъ при первомъ взглядѣ на любовную дочь иноплеменныхъ, на бѣлогрудую *Моину*?

Повѣждь намъ, вѣщаетъ *Фингалъ*, случаи твоей младости; какъ солнце облакомъ, помрачается прискорбіемъ душа *Клессаморова*; единъ, на берегахъ *Лорн*, углубляешься ты въ печальныхъ только мысляхъ. Скажи намъ, какое несчастіе омрачило нѣкогда благополучные твои дни?

Во дни мира, отвѣтствуетъ *Клессаморъ*, прибылъ я въ *Балкату*. Вѣтры свирѣпствовали въ моихъ парусахъ, и волны *Клу-*

ты пріяли корабль мой устремленный бурею. Три дни пребылъ я въ чертогахъ *Рютамира*. Очи мои ванимались прелестями его дщери Мирная чаша ходила кругомъ, и почтенный сѣдинами Герой вручилъ мнѣ прекрасную *Монну*. Ея выя подобна была пѣнѣ волнѣ; очи ея какъ блистающія въ ночи звѣзды; перья врана не такъ черны, какъ ея власы. Душа ея благородна и нѣжна: неизреченна была любовь моя къ *Моннѣ*, и сердце мое наливалося въ радостяхъ.

Вождь иноплеменный, любившій также *Монну*, приходитъ въ чертоги *Рютамира*. Гордости исполнена была его бесѣда. Часто извлекалъ онъ мечь свой до половины. Гдѣ могущественный. *Колгалъ*, говорилъ онъ, гдѣ неутомимый сей ратоборецъ? Безъ сомнѣнія идетъ онъ съ воинствомъ въ *Баркнуту*, когда *Клессаморъ* только дерзостенъ.

Повнай, вѣщаю я, повнай; душа моя собственнымъ воспламеняется жаромъ, и я безпрепетенъ среди тысячи сопостатъ, хотя сильныя мои отъ меня далече. Иноплеменный! ты говоришь гордо *Клессамору*, видя, что онъ одинъ. Но мечь мой сотрясается уже при бедрѣ моей, желая блистать въ моей десницѣ. Престань говорить о *Колгалѣ*, сынъ излучистой *Клуты*.

Раздражилась гордость твоего. Мы сражались; онъ палъ мечемъ моимъ. Брѣга *Клуты* возгремѣли его паденіемъ. Едругъ тысяча копій блистаютъ вокругъ меня; я противоборствую; но сыны чуждые преодолѣли. Я пустился на волны *Клуты*. Бѣлыя мои парусы возвысились надъ водами, и мой корабль скачетъ уже на лазуревыхъ выбяхъ Океана.

Моина приходитъ на брегъ. Очи ея омрачились слезами; черныя волосы ея развѣвались по волѣ вѣтровъ; я слышалъ ея крики; многократно покушался я возвратиться ко брегу, но вѣтры восточныя увлекли корабль мой. Съ сего роковаго часа не видалъ я *Клуты*, не видалъ уже прелестной *Моины*. Она скончалась въ стѣнахъ *Балклары*. Я видѣлъ тѣнь ея. Я узналъ ее, когда она явилась мнѣ во мракѣ на журчащихъ волнахъ *Моры*. Она подобна была новому мѣсяцу, сокрытому за густымъ облакомъ, когда идетъ крупный снѣгъ, и когда безмолвіе и мракъ обладаютъ вселенною.

Воспойте хвалы прелестной *Моины*, рекъ *Фингалъ* своимъ Бардамъ; воспойте, пусть ваши пѣсни призовутъ тѣнь ея на холмы наши, да сія несчастная успокоится съ красотою *Морена*, свѣшилаи вѣковъ пропекшихъ и любовію преждебывшихъ Героевъ. Я самъ видѣлъ *Балклары*. Она была уже пуста. Пламень разрушилъ ея дома. Нислышно

шно было человѣческаго гласа. Теченіе рѣки
 ея сожрачено упавшими стѣнами. Повсюду
 колеблется уединенный терновникъ, и гу-
 стой мохъ бесѣдуетъ тихо съ вѣтрами.
 Пустынные вѣтри обитаютъ въ жилищѣ
 человѣковъ; они выглядываютъ изъ среды
 равнинъ; вокругъ головъ ихъ развѣваются
 дикія травы. Опустѣло жилище *Монны*,
 безмолвіе царствуетъ въ чертогахъ опцевъ
 ея. Возгремите, о Барды! пѣсни печали,
 восплачьте надъ жребіемъ иноплеменныхъ:
 они пали прежде насъ; но скоро и мы па-
 демъ. . . . О смертный, жертва быстро-
 крылаго времени! по что строишь ты черто-
 ги? Нынѣ съ гордыхъ высотъ твоихъ про-
 стираешь ты свои взоры; нѣсколько еще
 лѣтъ, и вѣтръ пустынный возшумитъ въ
 твоихъ осиротѣлыхъ башняхъ, и будетъ
 свистѣть вокругъ полусогнивашаго твоего
 щита. . . . Но пусть придетъ пустынный
 вѣтръ; дни наши пребудутъ незабвенны
 славою. Знаки моего мужества останутся
 на поляхъ брани, и мое имя въ пѣсняхъ
 Бардовъ. Воспойте, о друзья; пошлите кру-
 гомъ чашу пиршества; да возгремятъ чер-
 тоги мои восторгами радости. . . . О солн-
 це, могущественное свѣтило! еслии и ты
 должно нѣкогда изчезнуть, еслии сіяніе
 твое временно, то слава моя преживетъ лу-
 чы твои.

Такъ пѣлъ *Фингалъ* въ восторгахъ своей радости. Тысяща Бардовъ, сѣдящихъ вокругъ его, уклонились впередъ, дабы внимать гласу своего владыки, гласу подобному сладостнымъ звукамъ арфы, принесеннымъ на крылахъ весеннихъ зефировъ. Каждая мысль твоя, о *Фингалъ!* была любевна и пріятна. По чію душа *Оссанови* не имѣетъ силы души твоей? Но ты не имѣешь себѣ подобнаго во населенной, о родителъ мой! и кію равенъ владыкѣ *Морвена*?

Ночь прешла въ пѣсняхъ, и утро урѣдо насъ въ неселіи. Уже являюся сѣроватыя горъ верхи; уже царствуетъ усмѣшка на лазоревой поверхности морей. Вдругъ увидѣли сѣлую волну разрушенну при отдаленной скалѣ. Изъ глубины озера возвышается медленно густой туманъ, и преобразясь въ видъ старца, простирается вдоль молчаливой ровнины. Не движутся въ шествіи члены сего страшнаго призрака; тѣнь нѣкая несетъ его по воздуху; остановился онъ надъ чертогами *Сельмы* и пролился въ дождь кровавомъ.

Одинъ *Фингалъ* усмотрѣлъ грозное сіе чудовище, и предузнавъ смерть рабоборцевъ, *Безмолвенъ* входитъ онъ въ свои чертоги и беретъ копіе отца своего. Уже броня звучитъ на его груди. Сильные *Морвена* стали вокругъ его; въ молчаніи смотрятъ они другъ на друга, и примѣчаютъ взоры *Фингала*. Они видятъ брань на лицѣ его, и
смерть

смерть народа въ движеніи копія его. Тысяща мечей сверкаютъ въ чертогахъ *Сельми*. Звукъ оружія раздается въ воздухъ. Ловчіе псы воютъ и вумлены и неподвижны. Ни единого слова не выходитъ изъ устъ ратниковъ: каждой, устремя взоры свои во взоры *Фингалъ*, подбѣмлетъ копые свое.

Чада *Морвені!* вѣщаетъ владыка, не нынѣ время пиршества. Темный облакъ сражоній приближается, и смерть носится надъ спраною нашею. Нѣкая тѣнь, другъ *Фингалъ*, извѣстила насъ о сопостатѣ. Мрачное море стремится на берега наши сыновъ чуждыхъ. Я видѣлъ востекшее отъ озера чудовище, внакъ вѣрный опасности *Морвені*. Да каждый изъ васъ ополчится тяжлымъ своимъ копіемъ, и препояшетъ при бедрѣ мечъ отца своего. Да покроетъ главу каждого темновидный шлемъ, и непроницаемыя латы да блистаютъ на ребрахъ вашихъ. Буря брани устремляется на насъ, и скоро услышите вы рыканіе смерти.

Шествуетъ *Фингалъ* предъ своимъ воинствомъ, какъ страшный облакъ, предтекущій цѣлой связи облаковъ, опягченныхъ огнями небесными, когда она простирается по ночному небу, и предвѣщаетъ мореплавателямъ бурю. Воинство остановилось на высотѣ *Конны*. Дщери *Морвенскія* смотрятъ на него изъ долины, и почитаютъ дремучимъ лѣсомъ. Онѣ трепещутъ о жизни юныхъ сво-

своихъ любовниковъ. Со ужасомъ взираютъ онѣ на море; бѣлыя волны обманываютъ взоръ ихъ; онѣ почитаютъ ихъ отдаленными парусами, и въ помныхъ очахъ ихъ трепещутъ слезы.

Солнце повлащаетъ уже волны, и мы уярѣли идали флотъ. Онѣ приближился, борые рашоборцы исходятъ на брегъ. Вождь ихъ новвышастся посреди ихъ какъ елень посреди сернѣ. Величественно шестнуетъ онѣ къ *Сельмѣ*, ва нимѣ его воители. Гряди *Улинѣ*, рекъ *Фингалѣ*, гряди къ сему иноплеменнику, и вѣщай ему словеса мира. Скажи, что мы страшны въ бранѣхъ, что тѣни враговъ нашихъ носятся тысящами на выбяхъ воздушныхъ, и что пированше со мною иноплеменники увѣнчанны славою. Они показываюпѣ оружїе отцевъ моихъ въ странахъ отдаленныхъ. Сыны чуждыхъ удивляются имѣ, и благословляютъ дружей *Морвенслиса* племени; вана славою нашего имени исполнена вселенная, и Цари мїра трепещутъ насъ въ своихъ собственныхъ чертогахъ.

Улинѣ шестнуетъ съ гвснїю. *Фингалѣ* склонился на свое копїе; онѣ уярѣлѣ страшнаго своего сопостата, и еще иадалече восхваляетъ его. Коль величественно тное шестнїе, сынѣ Океана! Мечъ твой подобенъ огню все пожирающему, копїе твое долговѣчвой соснѣ противоборствующей бурямъ. Премѣнное лице луны не ширѣ твоего щита;

на лицѣ своемъ блистаютъ розы юности; черные и нѣжные волосы свои развѣваются кудрями на раменахъ своихъ. . . . Но сіе гордое древо можетъ пасть, и память его съ нимъ погибнетъ. Дщерь иноплеменная будетъ скорбѣть, и устремитъ съ печалію взоръ свой на волны. Чада ея скажутъ: мы видимъ корабль, плыветъ въ немъ можетъ быть Царь *Балкхуты*. Слезы потекутъ изъ очей ихъ матери. Она будетъ думать о Героѣ, которой почитъ уже тогда въ странѣ *Мореска*.

Такъ вѣщала *Фингалъ*, когда *Улисъ* приблизился къ *Картону*. Три крапы уклони предъ нимъ копіе свое, возгремѣла онъ пѣснь мира: гряди пиршествовать съ *Фингаломъ*, о *Картонъ*! гряди, или возысь копіе брани; облаки наполнены тѣнями сопостатъ нашихъ; но друзья наши увѣчаны славою. Вовари на сіе поле, *Картонъ*, виждь на вѣсныхъ сихъ холмахъ покрытые правую и мохомъ камни: это гробы враговъ *Фингаловыхъ*.

Бардъ *Мореска*! отвѣтствуетъ *Картонъ*, или думаешь ты, что слабому говоришь воинствую? Уже ли примѣчаешь на лицѣ моемъ блѣдность ужаса? Какъ хочешь повергнуть душу мою въ смущеніе, говоря о падшихъ ратоборцахъ? Десница моя знаменита во бранѣхъ, и слава моя далеко простерлась. Гряди къ бессильнымъ, имъ совѣтуй
пока-

покаряться *Фингалу*. Я вѣдѣлъ паденіе *Балкюты*, и мнѣ пиршествовать съ сыномъ *Колваломъ*, съ сыномъ того, кто разрушилъ пламенемъ чертоги отца моего! Я былъ еще отрокомъ, и не зналъ, для чего плакали юныя дѣвы. Мнѣ весело было смотрѣть на столпы дыма, восходящія выше стѣнъ нашихъ; часто обращалъ я взоръ свой, и съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ бѣжали вдоль холма друзья наши." Прешли лѣта отрочества, и я увѣдѣлъ густой мохъ на равнинахъ стѣнъ нашихъ. Вздохи мои начинались съ восходомъ денницы, и слезы мои текли еще во мракъ наступившей ночи. Не ополчусь ли я, говорилъ я самъ себѣ, противу сыновъ сопоспатовъ моихъ? . . . Такъ, Бардъ, я ополчуся противу ихъ; сила крѣпости моей воспрянула.

Сильные окружаютъ *Картона*, вдругъ извлекаютъ блистающіе мечи. Слеза готова выкапиться изъ очей его; онъ думалъ о паденіи *Балкюты*, и весь гнѣвъ соединенный въ сердцѣ его воспламеняется. Онъ возвратилъ на холмъ, гдѣ Герои наши блистали въ своемъ оружіи. Онъ потрясъ копіемъ своимъ, и уклоняся впередъ, казалось, грозилъ онъ владыкѣ *Морвана*.

Сразится ли мнѣ съ *Картономъ*? рекъ *Фингалъ* въ душѣ своей: остановитъ ли его среди его печенія, и доколь еще не возсіяла слава его? Но будущіе Барды, видя гробъ его,